

ГЛАВА 1

Чарльз Брэмвелл Брокли ехал один, без билета, в вагоне поезда, который в 14:42 покинул станцию «Лондон-Бридж» и теперь направлялся в Брайтон. Металлическая коробка из-под печенья «Хантли и Палмер», в которой он путешествовал, рискованно качнулась на краю сиденья, когда поезд резко остановился в Хейвордс-Хите. Однако коробка так и не очутилась на полу вагона: ее подхватила пара надежных рук.

Он был рад оказаться дома. Викторианский особняк из красного кирпича, крутое крыльцо которого окаймляли кусты жимолости и стебли ломоноса, носил название Падуя. Прохладный и гулкий вестибюль, в котором витал запах роз, радушно принял вошедшего мужчину, давая ему приют от неумолимого полуденного солнца. Он опустил на пол сумку, положил ключи в ящик стола и оставил шляпу с широкими полями на вешалке. Он сильно устал, и тихий дом успокаивал его. Тихий, но не бесшумный. Размеренно тикали напольные часы, в глубине дома гудел древний холодильник, да и черный дрозд пел где-то в саду. А вот шум технологического характера был этому дому не свойственен. В нем не было ни компьютера, ни телевизора, ни DVD- или CD-плеера. Ниточками, связывающими дом с внешним миром, были дисковый телефон в вестибюле и радио.

Он открыл кран в кухне и дождался, пока вода стала ледяной, затем наполнил ею высокий стакан. Для джина с лаймом было слишком рано, для чая — слишком жарко. Лора взяла сегодня выходной, но оставила записку и салат с ветчиной на ужин. Душенька. Он выпил воду большими глотками. Вернувшись в вестибюль, достал из кармана брюк ключ и открыл им тяжелую дубовую дверь. Подняв сумку с пола и войдя в комнату, аккуратно закрыл за собой дверь. Полки и ящики, полки и ящики, полки и ящики; на трех стенах не было свободного места. Полки гнулись под тяжестью вещей, не было ни одного пустого ящика. Грустная и беспорядочная смесь, которую он собирал сорок лет, наклеивая на каждый предмет этикетку и определяя ему место. Кружевные занавески на французских окнах рассеивали невыносимо яркий свет полуденного солнца. Лишь один луч пробился сквозь них и пронзил полумрак, мерцая пылинками.

Мужчина достал коробку печенья «Хантли и Палмер» из сумки и осторожно расположил ее на большом столе из красного дерева — на единственной свободной поверхности в комнате. Подняв крышку, он изучил содержимое: бледно-серое вещество, по текстуре напоминающее крупнозернистый песок. Много лет назад он рассеял нечто похожее в розарии за домом. Но разве мог это быть человеческий прах? Вот так просто оставленный в поезде, в металлической коробке? Он опустил крышку.

Он попытался отдать находку на станции, но контролер, абсолютно уверенный в том, что это просто мусор, предложил оставить коробку в ближайшем мусорном баке.

— Диву даешься, какой только хлам люди в поездах не оставляют! — сказал он, отмахнувшись от Энтони.

Энтони диву уже давно не давался, а вот забытые вещи, какими бы они ни были, всегда что-то в нем пробуждали. Он достал из ящика коричневую бумагу и авторучку с золотым пером.

Аккуратно черными чернилами он вывел сначала дату и время, затем место; все записывал очень конкретно.

Коробка из-под печенья «Хантли и Палмер».

Внутри прах человека?

*Найдена в шестом вагоне от головы поезда,
отходящего в 14:42 из «Лондон-Бридж» в Брайтон.*

Личность усопшего неизвестна.

Пусть земля будет ему пухом.

Он любовно провел рукой по крышке, затем нашел на одной из полок свободное место и аккуратно поставил ее туда.

Бой часов в вестибюле сообщил о том, что пора пить джинс с лаймом. Достав из холодильника кубики льда и сок лайма, он расположил их на круглом серебряном подносе рядом с зеленым коктейльным бокалом и блюдцем с оливками. Потом он отправился в зимний сад. Есть он не хотел, но надеялся, что оливки помогут разбудить аппетит. Ему не хотелось разочаровывать Лору, не отведав старательно приготовленного ею салата.

Он поставил поднос на столик и открыл окно, выходящее в сад за домом. Его граммофон был красивойшей деревянной вещицей с шикарным золотым

12 рупором. Он приподнял иглу и мягко опустил ее на пластинку цвета лакрицы. Голос Эла Боулли¹ разнесся по комнате, проникая в сад, чтобы составить конкуренцию черному дрозду.

Одна мысль о тебе.

Это была их песня.

Он поудобнее устроился в кожаном вольтеровском кресле, вытянув свои длинные ноги, и предался неге. В расцвете сил его габариты соответствовали росту, что делало его фигуру довольно внушительной; старость уменьшила тело, и сейчас кожа располагалась куда ближе к костям.

Он поднес руку с бокалом к фотографии в серебряной рамке, которую держал в другой руке.

— За тебя, любимая!

Сделав пару глотков напитка и нежно поцеловав холодное стекло фотографии, он поставил ее обратно на приставной столик. Ее нельзя было назвать идеалом красоты: молодая девушка с волнистыми волосами и большими глазами, которые сияли даже на старой черно-белой фотографии. Но было в ней нечто необычайно притягательное, то, что даже по прошествии всех этих лет завораживало его.

Она была мертва уже сорок лет, и тем не менее она была его жизнью, а ее смерть придала этой его жизни смысл. Она сделала Энтони Пэдью Хранителем забытых вещей.

¹ Эл Боулли, полное имя Albert Allick Bowlly, (1898—1941) — самый популярный британский поп-певец 30-х годов XX века. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

ГЛАВА 2

Лора оказалась в тупике. Она была брошена на произвол судьбы, едва держась на плаву благодаря злополучному сочетанию прозака¹, пино-гри и тому, что делала вид, будто кое-какие вещи никогда не случались. Как, например, измена Винса.

Энтони Пэдью и его дом спасли ее.

Паркуясь перед домом, она подсчитала, сколько лет уже здесь проработала: десять — нет, почти одиннадцать лет. Она сидела в комнате для ожидания, в очереди к врачу, обеспокоенно листая журналы, пока не наткнулась в «Леди»² на рекламу, которая привлекла ее внимание:

*Требуется экономка или личная помощница
для порядочного писателя.*

*Пожалуйста, отправляйте предложения на адрес:
Энтони Пэдью, почтовый ящик 27312.*

Заходя в комнату для ожидания, она намеревалась умолять о препаратах, которые сделали бы ее жалкое

¹ Прозак — антидепрессант; улучшает настроение, снижает напряженность, тревожность и чувство страха.

² «The Lady» — британский женский журнал, славящийся рекламными объявлениями в сфере бытового обслуживания и ухода за детьми.

14 существование более сносным, а вышла оттуда с четким решением попытаться получить эту работу, которая, как позже выяснилось, изменила ее жизнь.

Повернув в замке ключ и переступив порог дома, она, как всегда, оказалась в объятиях тишины и покоя. Она прошла в кухню, наполнила водой чайник и поставила его на конфорку. Энтони сейчас должен был совершать утреннюю прогулку. Вчера она его вовсе не видела. Он был на встрече с адвокатом-солиситором¹ в Лондоне. Пока не закипел чайник, она просмотрела аккуратную стопку бумаг, с которыми должна была разобраться: несколько счетов следовало оплатить, на парочку писем нужно было ответить от лица мистера Пэдью. Взяв в руки письмо с просьбой записаться к доктору, она ощутила укол тревоги. Последние несколько месяцев она отчаянно старалась не замечать, что он увядает, — так изящный портрет, слишком долго простояв на ярком солнце, теряет четкость и яркость. Когда он много лет назад проводил с ней собеседование, это был высокий мускулистый мужчина с шапкой темных волос на голове, синими глазами и голосом, как у Джеймса Мэйсона. Тогда ему можно было дать значительно меньше, чем шестьдесят восемь. Лора влюбилась и в мистера Пэдью, и в дом в тот самый момент, когда переступила порог этого дома. Любовь, которую она к нему испытывала, была вовсе не романтическим чувством, она скорее

¹ Солиситор — категория адвокатов в Великобритании, подготавливающих судебные материалы для ведения дел барристерами — адвокатами высшего ранга.

напоминала любовь ребенка к своему любимому дядюшке. Его мягкая сила, спокойствие, безупречная вежливость были теми качествами, которые она научилась ценить в мужчине, увы, слишком поздно. В его присутствии у нее всегда поднималось настроение, и благодаря ему она научилась ценить жизнь так, как никогда до этого не ценила. Он был так же утешительно-постоянным, как BBC Radio 4, Биг-Бен и «Земля надежды и славы»¹. Но он всегда держал дистанцию. Всегда частичка его оставалась скрытой от всех, и у него явно был секрет, которым он ни с кем не делился. Лора была этому рада: близость, будь она физической или эмоциональной, не приносила ей ничего, кроме разочарования. Мистер Пэдью сначала был идеальным работодателем, а потом стал Энтони, ее близким другом. Но при этом между ними сохранялась определенная дистанция.

Что же касается Падуи, в нее она влюбилась, увидев салфетку для подноса.

Во время собеседования Энтони сделал ей чай. Его он принес в зимний сад. Чайник в стеганом чехле, кувшин с молоком, сахарница и щипцы, чашки с блюдцами, серебряные чайные ложки, чайное ситечко и стойка с пирожными. Салфетка была белее белого, окаймленная кружевом по краю. Именно салфетка сыграла определяющую роль. Несомненно, Падуя была дома, где такие вещи, как, например, белая салфетка на подносе, были атрибутами повседневной

¹ Английская (иногда рассматривается как британская) патристическая песня.

16 жизни, а сам мистер Пэдью был человеком, чья повседневная жизнь была пределом мечтаний Лоры.

Как только они поженились, Винс стал насмехаться над ней, когда она пыталась привнести подобные вещицы в их интерьер. Если ему когда-либо приходилось делать себе самому чай, использованный пакетик он оставлял на сливной полке раковины, сколько бы раз Лора ни делала ему замечание. Молоко и фруктовые соки он пил прямо из пакета, за обедом клал локти на стол, нож держал словно ручку и говорил с набитым ртом. Это вроде бы были мелочи, на которые Лора старалась не обращать внимания, но они все же раздражали ее. Годы их совместной жизни ожесточили Лору и уничтожили ее робкое стремление жить скромной жизнью, подобной той, какую она наблюдала, бывая в гостях у школьных друзей. Со временем шутки Винса переросли в издевки и даже скатерть стала объектом насмешек. Так же, как и Лора.

Собеседование проходило в день ее тридцать первого дня рождения и оказалось на удивление коротким. Мистер Пэдью, прежде чем налить ей чаю, спросил, как она обычно его пьет. Они обменялись несколькими вопросами, после чего он предложил Лоре работу и она согласилась. Это был идеальный подарок для Лоры — зарождение надежды.

Свист чайника оборвал ее воспоминания. Лора заварила чай, после чего взяла тряпку и средство для полировки и отправилась в зимний сад. У себя дома она терпеть не могла убирать, особенно когда жила с Винсом. Но здесь уборка была актом любви. Когда она приехала сюда впервые, дом и его содержимое выгля-